

© 2001 г.

НАУЧНАЯ ПЕРЕПИСКА М.И. РОСТОВЦЕВА И Ф. КЮМОНА*

В книге Михаила Ивановича Ростовцева «Dura-Europos and Its Art» внимательный читатель обнаружит на с. 30 досадную ошибку: говоря о том, что солдаты императора Юлиана во время его неудачного похода против персов в 363–364 гг. охотились на львов среди руин запустевшего города Дура, автор ссылается не на Аммиана Марцеллина (*Res Gest.* 23. 5. 8; ср. 24. 1. 5), а на письма Юлиана. Ростовцев был огорчен допущенной неточностью, о чем свидетельствует его переписка с выдающимся бельгийским ученым, одним из лучших знатоков творчества Юлиана Отступника Ф. Кюмоном, который указал ему на ошибку. В ответ на жалобы Ростовцева на старость и плохую память (книга вышла в 1938 г., когда ему было 68 лет, а Кюмону – 70) Кюмон писал: «Si vales ego valeo, если Вы теряете память, то и я теряю ее тоже, особенно память на имена собственные – иногда не могу вспомнить даже имена близких друзей. Старость! Но меня утешает *De Senectute* Цицерона, где сказано, что старики должны помнить не о том, что они потеряли, а о том, что сберегли».

Научное наследие Кюмона и Ростовцева исчисляется десятками книг и сотнями статей, давно вошедших в золотой фонд историографии XX столетия, не говоря уже о великом множестве исследований, посвященных их творчеству либо их творчеством порожденных. Однако не все сокровища этого наследия извлечены на свет – как видно из названия нашего сообщения, речь идет об эпистолярном наследии Кюмона и Ростовцева, которое никогда раньше не издавалось в полном объеме и вот уже несколько лет является предметом нашего исследования.

Работа над архивами Ростовцева, находящимися в России, ряде стран Европы и США, началась еще в 1988 г., когда в Санкт-Петербурге были найдены неопубликованные главы «Скифии и Боспора». Итогом этой работы стал выход в свет в 1997 г. «Скифского романа» – книги о жизни и творчестве великого русского историка, подготовленной коллективом российских и зарубежных авторов¹. Изучение и издание архивов Кюмона, ныне хранящихся в Бельгийской Академии в Риме, было начато в 1995 г. Первый том, посвященный научной переписке Кюмона, тоже вышел в 1997 г.², следующие ее тома должны появиться в свет в ближайшие годы; база данных переписки Кюмона, включая 12 064 писем, с конца 2001 г. будет доступна для всех в интернете³. Осенью 1997 г. международная группа в составе четырех исследователей из Москвы, Рима и Флоренции приступила к работе над проектом полного издания переписки Ростовцева и Кюмона. Две предварительные публикации некоторых писем Кюмона и Ростовцева появились в 2000 г. в «Bulletin de l'Institut Historique Belge de Rome»⁴ и «Вестнике древней истории»⁵.

* В основу статьи положен доклад, с которым авторы выступили в июне 2001 г. на заседании Французской Академии надписей и изящной словесности.

¹ Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997.

² *La correspondance scientifique de Franz Cumont conservée à l'Academia Belgica de Rome* / Ed. C. Bonnet. Bruxelles – Rome, 1997 (далее – *Correspondance...*).

³ Для этого достаточно обратиться к сайту: www.academiabelgica.it

⁴ *Bongard-Levin G., Bonnet C., Litvinenko Yu., Marcone A. Aperçu préliminaire de la correspondance entre Franz*

Все письма Ростовцева Кюмону сегодня находятся в двух фондах Бельгийской Академии в Риме (фонд Академии и фонд семьи Кюмон), тогда как почти все письма Кюмона Ростовцеву (за исключением двух, происходящих из архивов Нью-Хейвена и Санкт-Петербурга) хранятся в библиотеке Уильяма Перкина в Дьюкском университете (США). Всего эта переписка насчитывает 161 письмо, из которых 95 принадлежит Ростовцеву и 66 – Кюмону; письма охватывают почти полувековой период – с 1897 по 1941 г.

В нашем досье очень мало писем (всего 8), относящихся к российскому периоду жизни Ростовцева и первым годам его пребывания в Англии и Америке (до перехода в Йель в 1925 г.). Что касается йельского этапа жизни историка, то здесь выделяются два «пика» его переписки с Кюмоном: 1929–1930 гг. (45 писем) и 1938–1939 гг. (28 писем), между которыми наблюдается заметный спад, – например, за 1935 г. писем нет вообще. Несложно заметить, что два периода наиболее оживленной переписки Ростовцева и Кюмона совпадают по времени с веками их научной биографии (начало и окончание раскопок в Дура-Европос, работа историков над их поздними большими произведениями) и глобальными катаклизмами эпохи («великая депрессия», зарождение тоталитарных режимов, начало второй мировой войны). Не случайно именно эти факты и события составляют основной фон переписки и во многом обуславливают ее содержание и характер, о чем подробнее будет сказано ниже. На общую картину переписки повлияло и то обстоятельство, что не все письма сохранились – в своем диалоге Ростовцев и Кюмон часто ссылаются на недошедшие до нас взаимные послания⁶. Именно по этой причине мы затрудняемся ответить на вопрос, почему последние письма Кюмона датируются 1940 г., а Ростовцева – 1941 г. Безусловно, свою роль здесь сыграли война, старость и болезни, но в любом случае мы, к сожалению, вряд ли теперь узнаем, когда и при каких обстоятельствах были написаны самые последние письма Ростовцева и Кюмона друг другу⁷.

Нам почти ничего не известно о времени и обстоятельствах первой встречи Ростовцева и Кюмона, позже переросшей в многолетнюю дружбу. Скорее всего их знакомство состоялось в Риме весной или поздней осенью – зимой 1896 г.⁸, на что намекает самое раннее из дошедших до нас писем Ростовцева, датированное 21 октября 1897 г., в котором молодой стипендиат Российской Академии вспоминает «прошлогоднюю веселую и шумную компанию» и «чудесные вечера, проведенные под гостеприимным кровом у В[асильева?]»⁹. Эпизодическая переписка довоенных лет мало что дает для реконструкции истории их взаимоотношений в тот период, когда Кюмон был профессором Гентского университета, а Ростовцев преподавал в Санкт-Петербурге. Впрочем, исключение составляет одно письмо, написанное Ростовцевым 14 марта 1911 г. В нем автор выражает поддержку Кюмону в его конфликте с бельгийским Министер-

Cumont et Mikhail Rostovtzeff // Bulletin de l'Institut Historique Belge de Rome. 2000. LXX. P. 349–412 (далее – Aperçu préliminaire...).

⁵ *Бонгард-Левин Г.М., Бонне К., Литвиненко Ю.Н., Марконе А.* «Монгол приветствует Сирийца»: переписка М.И. Ростовцева и Ф. Кюмона // ВДИ. 2000. № 3. С. 142–158.

⁶ В архивах Ростовцева мы не нашли ни одного письма Кюмона за период с декабря 1934 г. по сентябрь 1937 г.

⁷ Возможно, переписка Ростовцева и Кюмона продолжалась (разумеется, с меньшей интенсивностью) и после 1941 г., на что, в частности, намекает хранящееся в дьюкском архиве письмо к Ростовцеву от А. Сейрига, датированное 7 ноября 1944 г., в котором французский археолог, обеспокоенный ухудшением здоровья отставного профессора, передает ему приветы от Р. Дюссо и Л. Робера и добавляет: «Г-н Дюссо сообщил мне между прочим, что г-н Кюмон, который находится в добром здравии, написал Вам письмо».

⁸ Известно, что в мае – июне 1896 г. Ростовцев путешествовал по Италии, а с ноября и до конца того же года он находился в Риме, где работал над своей магистерской диссертацией (Скифский роман. С. 56–57). В свою очередь в 1896 г. Кюмон посетил Рим дважды: весной (на Пасху) и в конце года (Correspondance... P. 12. Not. 27).

⁹ Вероятно речь идет об А.А. Васильеве – русском византинисте, друге и сокурснике Ростовцева по Санкт-Петербургскому университету. В конце 90-х годов XIX в. они оба находились в заграничной командировке и часто путешествовали вместе по Западной Европе, Балканам и Малой Азии. Об их дружбе и переписке см. Скифский роман. С. 259–286.

ством просвещения, которое отказалось предоставить ученому кафедре римской истории, в результате чего Кюмон был вынужден подать в отставку с поста университетского профессора. Ростовцев пишет о том, что в России профессора тоже страдают от административного произвола и давно перестали быть независимыми. «Сегодня или завтра, – добавляет он, – я могу оказаться в той же ситуации, что и Вы теперь. Вот почему я желаю Вам полной и убедительной победы». Строки солидарности, высказанной в том письме, очень важны для понимания глубинной причины, предопределившей не только последующую дружбу двух историков, но и общность их судеб – духовно и интеллектуально Ростовцева и Кюмона, изгнанников и космополитов, сближали свободомыслие и либерализм.

В 1914 г. Кюмон покинул Бельгию, уйдя из Гентского университета, где он трудился с 1892 г. (ему было 24 года, когда его взяли туда на преподавательскую должность), оставив также пост помощника Главного хранителя Королевских музеев Брюсселя и отвергнув все предложения о работе, исходившие от самых известных университетов¹⁰. Отныне его родными городами и «научными обсерваториями» стали Париж и Рим. Кюмоном было написано огромное количество статей и несколько ставших еще при жизни автора хрестоматийными книг по истории древнего мира, особенно истории философии, религии и магии в древности, классической филологии и эпиграфике, папирологии, нумизматике, археологии, истории искусств. Научная переписка Кюмона свидетельствует о его неизменном стремлении быть в курсе последних новостей в области *Altertumswissenschaft*, знать о новейших открытиях в археологии, о вновь найденных текстах и текущих публикациях, делиться этими знаниями со своими коллегами и друзьями в Европе и Америке. Что касается Ростовцева, то в предвоенные годы он – профессор Санкт-Петербургского университета и Высших женских курсов, член-корреспондент Императорской Академии наук, действительный член Императорского Археологического общества – продолжал изучать социально-экономическую историю Римской империи и древности юга России, планировал организовать экспедицию в Египет за папирусами¹¹, работал над своей «Античной декоративной живописью»¹². Четыре года спустя, уехав в научную командировку в Швецию, Норвегию и Англию, был вынужден остаться в эмиграции, оставив в Петербурге работу, дом и личную библиотеку. Он начал свой «скифский роман» скитальца Анархасиса, чей непростой путь от Петрограда до Нью-Хейвена детально прослежен в работах Г. Бауэрсока, Г.М. Бонгард-Левина, М. Веса и Х. Фон Штадена¹³.

Читая письма Ростовцева и Кюмона, убеждаешься, что отношения между двумя выдающимися историками и незаурядными личностями были близкими как в научном, так и в человеческом плане. Ростовцев и Кюмон не скрывали своих взаимных симпатий и уважения. Кюмон считал, что после знаменитой работы Ш. Монтестье «Рассуждения о причинах величия и упадка римлян» не было более глубоких, чем у Ростовцева, исследований причин заката античного мира¹⁴. В начале 30-х годов он признавался Ростовцеву: «Ваши статьи не раз убеждали меня в том, что географические рамки

¹⁰ Об основных этапах жизненного пути Кюмона см. *Correspondance...* P. 1–67; о «гентском деле» профессора Кюмона см. *Bonnet C. Franz Cumont ou les risques du métier d'historien des religions // Hieros. 2000. 5. P. 12–29.*

¹¹ См. *Литвиненко Ю.Н.* Египетские путешествия М.И. Ростовцева // ВДИ. 2001. № 3. С. 145.

¹² Подробный обзор российского периода жизни и творчества историка дан В.Ю. Зуевым и И.В. Тункиной в кн.: *Скифский роман.* С. 50–123.

¹³ *Bowersock G.W. Rostovtzeff in Madison // The American Scholar. 1986 (Summer). P. 391–400; Wes M.A. Michael Rostovtzeff, Historian in Exile. Russian Roots in an American Context. Stuttgart. 1990; Скифский роман. С. 124–184; Staden H. von. Rostovtzeff a Yale // Rostovtzeff e l'Italia / Ed. A. Marcone. Napoli. 1999. P. 65–95; Bongard-Levin G.M. M.I. Rostovtzeff in England: A Personal Experience of West and East // *Ancient Greeks, West and East / Ed. Gocha R. Tsatskheladze. Leiden, 1999. P. 1–45; Бонгард-Левин Г.М.* Изгнание в вечность. Великий русский историк М. Ростовцев в США. Нью-Йорк, 1999.*

¹⁴ Письмо от 7 марта 1930 г.

Ваших познаний намного шире, чем у самого разностороннего из наших археологов – Саломона Рейнака»¹⁵. Поздравляя Кюмона с 70-летием, Ростовцев, знавший «наизусть» все книги бельгийского историка, писал: «Вы создали кое-что – и это кое-что есть и будет фундаментом для каждого, кто занимается историей и историей религии. И Вы усердно работаете над тем, чтобы упрочить и расширить этот фундамент. Это кое-что значит, это значит многое!»¹⁶. В одном из своих последних посланий Кюмону Ростовцев очень просто и емко сказал о том, что всегда роднило этих двух ученых, исследователя скифо-сарматских древностей и специалиста по восточным религиям, «монгола» и «сирийца», как в шутку называл себя и своего друга йельский профессор¹⁷: «Мы оба – Вы и я – не знаем, что такое отдых»¹⁸.

Эпистолярный диалог Ростовцева и Кюмона – лишь часть огромного архивного наследия обоих историков, которое насчитывает несколько тысяч писем и документов. Однако это весомая часть как в количественном, так и в качественном отношении. Письма, которыми обменивались Ростовцев и Кюмон, напоминают своего рода «информационные бюллетени» – в них оба автора охотно делятся своими размышлениями над источниками, публикациями, историческими проблемами, широко обсуждаемыми их современниками. При знакомстве с этими письмами – длинными и полными отступлений у Ростовцева, более лаконичными и сдержанными у Кюмона – сразу заметно, что их авторы – крупнейшие специалисты в своих областях – работали в разной манере и далеко не всегда придерживались одинаковых научных взглядов, подходов и методов. С другой стороны, интересно рассмотреть и то общее, что сближало творчество двух мэтров – историка религии, или, по словам самого Кюмона, специалиста по религиозной истории¹⁹, и историка экономической и социальной жизни античности. Такая попытка уже предпринималась К. Бонне, показавшей, что элементы общего – идет ли речь о религии или экономике – следует искать в социальном, в повседневной жизни, массовой психологии, mentality, говоря словами самого Ростовцева²⁰. Он обращался к этим категориям, размышляя над феноменом «заката» Римской империи, а Кюмон – при изучении эволюции религии от античного язычества к христианству. Кроме того, обоих авторов сближают ориентация прежде всего на письменные источники, установка на тщательный филологический анализ, лишенный какого-либо догматизма. И Ростовцев, и Кюмон, стремясь к широким обобщениям, оперировали огромным фактическим материалом, помимо письменных документов

¹⁵ Письмо от 5 ноября 1932 г. Salomon Reinach (1858–1932) – выдающийся французский историк и археолог, специалист по античному искусству, коллекционер и издатель многочисленных памятников искусства. Отметим, что в библиотеке Межан (Экс-ан-Прованс, Франция) хранится 308 писем, адресованных Кюмону С. Рейнаку и ставших темой одного недавнего исследования: Lavagne H. Lettres inédites de Franz Cumont à Salomon Reinach // CRAI. 2000 (в печати). Мы признательны автору, познакомившему нас с еще не опубликованной рукописью своей статьи. В нашем досье также имеются копии нескольких писем Ростовцева С. Рейнаку, в основном датируемых первой половиной 20-х годов. – оригиналы этих писем находятся в архиве Музея национальных древностей (Сен-Жермен-ан-Лай, Франция), директором которого был С. Рейнак.

¹⁶ См. письма Ростовцева от 9 декабря 1937 г. и 3 февраля 1938 г.; ср. его же письмо от 3 ноября 1938 г., где он выражает восхищение книгой «Les Mages hellénisés» (Paris, 1938), написанной Ф. Кюмоном в соавторстве с Ж. Биде.

¹⁷ На оттиске своей статьи «Великий герой Средней Азии и его подвиги» (*Rostovtzeff M. The Great Hero of Middle Asia and His Exploits // Artibus Asiae. 1932. 4. P. 99–117*), подаренной Кюмону в канун 1933 (1934? г.) и хранящейся в архиве Бельгийской Академии в Риме (шифр: С.Е./R. 403), Ростовцев написал приветствие: «Mongolus Syrio salutem optimum dat. Annum novum faustum felicem tibi et tuis».

¹⁸ Письмо от 20 апреля 1940 г.

¹⁹ О различии между «историей религии» и «религиозной историей» см. Bonnet C. De l'histoire religieuse à l'histoire des religions: les relations de Franz Cumont avec quelques historiens des religions principalement à travers sa correspondance // Actes de la Table Ronde «Franz Cumont et la science de son temps», Paris, 5–6/12/1997 / Ed. A. Rousselle (= MEFRIM. 1999. 111). P. 553–575.

²⁰ Bonnet C. Mikhail I. Rostovtzeff et Franz Cumont: un premier bilan de leurs relations intellectuelles d'après la correspondance // Actes du Colloque sur M.I. Rostovtzeff. Paris, 17–19 mai 2000 / Ed. J. Andreau (в печати). Заметим, что в 30-е годы в переписке Ростовцева и Кюмона тема «эллинистического менталитета» занимала одно из видных мест.

использовали вещественные, большое внимание уделяли археологическим данным и тем сведениям, которые они получали от непосредственного знакомства с местными памятниками и культурами.

Объем переписки Ростовцева и Кюмона значительно возрастает с 1927 г., и тому есть вполне объяснимая причина – раскопки Дура-Европос²¹. Исследование этого эллинистическо-парфяно-римского города, проводившееся Йельским университетом и французской Академией надписей и изящной словесности в 1928–1937 гг. – бесспорно, главная тема переписки: ей посвящено более половины всех писем нашего досье. Именно Дура-Европос стала местом встречи творчества двух ее «гениальных интерпретаторов»²², и не удивительно, что именно у ее митреума история запечатлела их вместе на двух дошедших до нас фотографиях, которые опубликовал в своей книге К. Хопкинс²³.

Тема «Кюмон, Ростовцев и архивы экспедиции в Дура-Европос» уже поднималась в статье Г.М. Бонгард-Левина²⁴. Автор, опираясь на новые архивные материалы из Йеля, Дьюка и Коллеж де Франс, обрисовал историю американо-французских раскопок и показал роль в них Кюмона и Ростовцева. Однако думаем, что было бы нелишнее вновь вернуться к этой теме, поскольку она представляет несомненный интерес для современных историков и археологов. Судя по наличию рубрики, посвященной истории изучения Дура-Европос, в отчетах Франко-сирийской миссии, работающей на памятнике под руководством П. Лериша²⁵, архивные материалы, связанные с Йельско-французской экспедицией, не потеряли своей актуальности²⁶. Как известно, не все материалы раскопок 1928–1937 гг. были опубликованы: в Йельской галерее искусств хранятся архивы так и оставшегося неизданным отчета о последнем – десятом – сезоне в Дура в 1936–1937 гг., не изданы дневники и заметки последнего полевого директора Ф. Брауна, отчет об архитектуре и планировке города, который готовился к публикации Ф. Брауном и Г. Детвайлером, собрание терракот, подготовленное П. Бауrom; изданы далеко не все надписи, происходящие из Дура²⁷. Итоговые отчеты

²¹ Об истории раскопок Дура-Европос в 1928–1937 гг. см. *Hopkins C.* The Discovery of Doura-Europos. New Haven–London, 1979. О месте и роли Ростовцева в этих раскопках см. *Мэтсон С.* М.И. Ростовцев и Дура-Европос // ВДИ. 1992. № 4. С. 130–139; *Миллар Ф.* Ростовцев и его роль в руководстве раскопками в Дура-Европос // ВДИ. 1996. № 3. С. 184–187.

²² Представляя в Академии надписей и изящной словесности книгу Ростовцева «Dura-Europos and Its Art», Кюмон назвал ее автора «духовным руководителем и гениальным интерпретатором» йельских раскопок (CRAI. 1938. P. 530–531), но, полагаем, данное определение не менее справедливо и по отношению к самому Кюмону – одному из первооткрывателей и первых исследователей памятника.

²³ *Hopkins.* Op. cit. P. 198.

²⁴ *Bongard-Levin G.* Un Scythe russe sur les rives de la Seine // CRAI. 1997. P. 863–880.

²⁵ Франко-сирийская археологическая миссия работает в Дура-Европос с 1980-х годов, ее цель – дальнейшее изучение памятника, исследование и консервация ранее раскопанных объектов и ревизия результатов предыдущих раскопок города; см. публикации отчетов миссии в журнале «Syria» за 1986, 1988 и 1992 гг. (Doura-Europos. Études I – 1986, II – 1988, III – 1990; далее соответственно – DEÉ I, II, III), а также Doura-Europos. Études IV, 1991–1993 / Ed. P. Leriche, M. Gelin. Beyrouth, 1997 (далее – DEÉ IV). В настоящее время П. Лериш и его коллеги готовят пятый том DEÉ, а также очерки истории и культуры Дура-Европос и путеводитель по памятнику. Обзор результатов новейших раскопок Дура-Европос см. *Кошеленко Г.А., Гайбов В.А.* Дура-Европос после М.И. Ростовцева // ВДИ. 1999. № 3. С. 221–232.

²⁶ См., например: *Velud Ch.* Histoire des recherches à Doura-Europos. Contexte historique régional des fouilles de Doura entre les deux Guerres mondiales // DEÉ II. P. 363–382; *Gelin M.* Les fouilles anciennes de Doura-Europos et leur contexte: documents d'archives conservés dans les institutions françaises et témoignages // DEÉ IV. P. 229–244; *Yon J.-B.* Les conditions de travail de la mission américano-française à Doura-Europos à travers les archives de l'Université de Yale // DEÉ IV. P. 245–255; ср. *Leriche P.* Matériaux pour une réflexion renouvelée sur les sanctuaires de Doura-Europos // Topoi. 1997. 7. P. 904–905. Аналогичное исследование архивов, связанных с раскопками Дура-Европос в период между мировыми войнами, проводит группа российских ученых; см. публикации писем Ростовцева к К. Хопкинсу, Дж.Р. Энджеллу, У.Л. Кроссу и Ч.Б. Уэллсу в кн.: Скифский роман. С. 530–568.

²⁷ *Matheson S.* The Tenth Season at Doura-Europos, 1936–1937 // DEÉ III. P. 121–140; *eadem.* The Last Season at Doura-Europos, 1936–1937 // *Eius Virtutis Studiosi: Classical and Postclassical Studies in Memory of Frank Edward Brown* (1908–1988). Hanover–London, 1993. P. 201–215; *Millar F.* The Roman Near East. Cambr. Mass., 1993. P. 445–446.

по группам находок и отдельным памятникам продолжают выходить до сих пор. В частности, недавно английский археолог С.И. Джеймс сообщил о завершении работы над отчетом о военном деле и вооружении в Дура²⁸. Как справедливо заметила С. Мэтесон, архивы Йеля все еще хранят много новой информации, и поэтому Дура-Европос нуждается сегодня в «двусторонних раскопках» – археологических и архивных²⁹.

Есть еще одна причина, заставляющая обратиться к вышеупомянутой теме: пересмотр современными исследователями уже опубликованных результатов этих раскопок, критика методов их проведения Кюмоном, Ростовцевым, их коллегами и учениками, а также их интерпретаций. Эта критика ведется как археологами, в последнее время работающими на памятнике³⁰, так и историками, которые говорят о необходимости пересмотра прежних выводов по истории и культуре Дура-Европос³¹. Мы считаем, что критика абсолютно оправдана, и открытия Франко-сирийской миссии действительно позволяют пересмотреть прежнюю хронологию памятника и представления о его фортификации, архитектуре и планировке. Вполне обоснованы и попытки переписать отдельные страницы истории Дура с использованием новых данных археологии, эпиграфики и папирологии Ближнего и Среднего Востока. Не вызывает сомнений и критика концепций Кюмона и Ростовцева о смешанном «греко-восточном» характере цивилизации Дура-Европос. Но, на наш взгляд, эта критика не должна превращаться в гиперкритику, элементы которой присутствуют, например, в словах английского исследователя Ф. Миллара о том, что йельско-французские раскопки – «довольно проблематичный пример археологической деятельности», что археологи, которые участвовали в той кампании, были «неопытными и непрофессиональными», что «толкование находок зависело, главным образом, от уже существующих предположений двух великих ученых, которые сами не участвовали в повседневной работе»³². Как показывают архивные материалы, не все аргументы подобной критики справедливы. Приведем один небольшой, но характерный пример. По мнению Ф. Миллара, Ростовцев, якобы руководивший раскопками «интеллектуально», со стороны, посетил Дура-Европос только дважды: в 1928 и 1934 г. Более тщательное знакомство с перепиской Ростовцева позволяет говорить о том, что он приезжал в Дура-Европос в 1928, 1931, 1934 и 1937 гг., а если к этому добавить информацию С. Мэтесон о том, что ученый посетил памятник еще и в 1933 г., то в общей сложности он работал в Дура четыре или пять раз и в разные полевые сезоны³³. Таким образом, введение в оборот новых архивных материалов способствовало бы более объективному освещению истории раскопок города и более конструктивной критике того, что после них осталось. Именно в этом мы видим актуальность и научную значимость нашего исследования.

Свою рецензию на книгу Кюмона Ростовцев начинает словами: «Это потрясающая история – открытие Дура-Европос на берегу Евфрата!»³⁴. Переписка Ростовцева и

²⁸ См. его страницу в интернете на сайте www.le.ac.uk

²⁹ *Matheson. The Tenth Season...* P. 140.

³⁰ См., например: *Leriche P., Mahmoud A., Mouton B., Lecuyot G. Le site de Doura-Europos: état actuel et perspectives d'action // DEÉ I. P. 5–25*; ср. *Leriche P., Al Mahmoud A. Doura-Europos: bilan des recherches récentes // CRAI. 1994. P. 395–420*; *Leriche P., El Ajji E. Une nouvelle inscription dans la salle à jardins du temple d'Artémis à Doura-Europos // CRAI. 1999. P. 1309–1346*.

³¹ *Millar. The Roman Near East. P. 445–452, 467–471*; *Миллар. Ук. соч. С. 184–187*; *Millar F. Dura-Europos under Parthian Rule // Das Partherreich und seine Zeugnisse. The Arsacid Empire: Sources and Documentation. Beiträge der internationalen Colloquiums, Eutin (27.–30. Juni 1996) / Ed. J. Wiesehöfer. Stuttgart, 1998. P. 473–492*; *Dirven L. The Palmyrenes of Dura-Europos. A Study of Religious Interaction in Roman Syria. Leiden, 1999. P. XVII–XIX*.

³² *Миллар. Ук. соч. С. 186*; *Millar. Dura-Europos...* P. 474; ср. *Hopkins. Op. cit. P. 11*.

³³ См. хранящиеся в архивах Дьюкского и Йельского университетов и Бельгийской Академии в Риме письма Ростовцева к Дж. Энджеллу (16 марта 1931 г.), Р. Дюссо (23 марта 1931 г.), Ф. Кюмону (20 ноября 1936 г.) и Ч.Б. Уэллсу (19 мая 1937 г.); ср. *Мэтесон. Ук. соч. С. 136*.

³⁴ *Rostovtzeff M.J. Rev.: Cumont F. Fouilles de Doura-Europos (1922–1923). P., 1926 // AHR. 1927. 32. P. 836*.

Кюмона подтверждает справедливость этих слов: перед нами разворачивается захватывающая дух история, построенная по всем законам драмы – с прологом, началом действия, кульминацией, финалом и эпилогом. Прологом можно считать три письма 1925–1926 гг., из которых мы узнаем, что сразу после перехода в Йельский университет Ростовцев включился в подготовку археологической экспедиции в Месопотамию³⁵, что его заинтересовали Варка (Урук) и Дура-Европос и вначале он собирался совместить раскопки обоих памятников³⁶. Осенью 1926 г. Кюмон написал Ростовцеву два письма, в которых поделился своими соображениями по этому поводу. Варка – безусловно выдающийся памятник. Кюмон соглашается с мнением Ф. Тюрю-Данжена³⁷ о том, что это городище «самое великолепное, самое грандиозное и самое подходящее для раскопок: центр ремесла, религии и науки, город, где вплоть до конца эллинистической эпохи у каждого жреца имелась своя библиотека. Памятник таит несметные сокровища». Однако технически и профессионально очень сложно совместить раскопки двух столь разных объектов – «Варка клинописных табличек» и «Дура греческих текстов»³⁸. В конечном счете все решили финансы – у Йеля не нашлось средств на дорогостоящие раскопки Урука, и концессия на их проведение была уступлена немцам³⁹.

М.И. Ростовцев впервые упоминает Дура в письме от 10 февраля 1925 г. Он прочитал статью Кюмона о датируемом эллинистической эпохой пергаменте из Дура⁴⁰, и его заинтересовали «новые данные об организации военных колоний в Сирии: та же эволюция, что и в Египте – вначале пожалование за службу, а затем частная собственность». Напомним, что в то время Ростовцев работал над главами о птоломеевском Египте и селевкидской Сирии для VII тома «Кембриджской древней истории», и его интерес к проблемам военной колонизации на эллинистическом Востоке вполне объясним. Возможно, было бы преувеличением говорить, что именно этот интерес предопределил выбор историком Дура-Европос в качестве объекта исследования, но, судя по дальнейшей переписке с Кюмоном, Ростовцев не раз обращался к теме селевкидской Дура и всячески подчеркивал свое стремление найти эллинистические памятники города. К сожалению, на это не хватило времени – участники экспедиции приступили к планомерному исследованию самых ранних слоев в 1936 г., а на следующий год раскопки Дура были свернуты. Посвятив Дура-Европос отдельный параграф в своей фундаментальной книге об эллинистическом мире, Ростовцев был вынужден признать, что «нам мало известно о раннем периоде существования города»⁴¹. С тех пор ситуация практически не изменилась, и о селевкидской Дура мы по-прежнему знаем намного меньше, чем о ее парфянском или римском периодах⁴².

³⁵ Эта подготовка была частью большой программы по созданию в Йеле крупного научного центра антиковедения со своими археологическими экспедициями (помимо раскопок Дура-Европос, в 30-е годы Йельский университет проводил исследования Джераша в Иордании) и папирологической коллекцией (об истории йельской коллекции папирусов и роли Ростовцева в ее создании см. *Emmel S. Antiquity in Fragments: a Hundred Years of Collecting Papyri at Yale // The Yale University Library Gazette. October 1989. 64. 1–2. P. 38–58; Литвиненко. Ук. соч. С. 145–148*). С этой программой Ростовцев выступил в Йеле в начале 1926 г., см. *Скифский роман. С. 171–173*.

³⁶ О первых исследованиях города и предыстории американско-французских раскопок см. *Breasted J.H. Oriental Forerunners of Byzantine Painting: First-Century Wall Paintings from the Fortress of Dura on the Middle Euphrates. Chicago, 1924; Cumont F. Fouilles de Doura-Europos. P., 1926; Скифский роман. С. 544–545; Bongard-Levin. Un Scythe russe... P. 874–876*.

³⁷ F. Thureau-Dangin (1872–1944) – крупный французский ассириолог, специалист по клинописи, участник и руководитель ряда археологических экспедиций в Месопотамии. О его переписке с Кюмоном см. *Congrespandance... P. 454–455*.

³⁸ Письмо от 27 октября [1926 г.].

³⁹ См. *Rostovtzeff M.I. Seleucid Babylonia, Bullae and Seals of Clay with Greek Inscriptions // YCS. 1932. 3. P. 5–6*.

⁴⁰ *Cumont F. Le plus ancien parchemin grec // RPh. 1924. 48. P. 97–112*.

⁴¹ *SEHAW. P. 483*.

⁴² Ср. *Will E. Nouvelles recherches à Doura-Europos // DEÉ I. P. 3–4*.

Подготовке экспедиции и началу работ в Дура посвящена почти треть всех писем Ростовцева и Кюмона. Интерес представляет отношение обоих научных руководителей к начавшейся кампании. Тон высказываний и комментариев Ростовцева – изменчивый, импульсивный, эмоциональный. Вначале ученый хвалит М. Пилле, а спустя год не скрывает своего недовольства техническим директором раскопок, которого рекомендовал Кюмон. Настроение Ростовцева быстро меняется в зависимости от того, какие новости поступают из Дура. В декабре 1928 г. он критикует М. Пилле, приступившего к раскопкам цитадели, и пишет Кюмону: «Это весьма интересно с точки зрения архитектуры и планировки, но абсолютно бесперспективно с точки зрения находок. Представляется, что цитадель служила временным убежищем, не имела постоянного гарнизона и в ней никто не проживал. На ее стенах найдено лишь две–три надписи»⁴³. Весной 1929 г. высказывания Ростовцева становятся более оптимистичными: результаты последних недель великолепны – найдены три пергамена и несколько фрагментов папирусов. Ростовцев считает, что теперь можно вести разговор с президентом Йеля Дж. Энджеллом не о трех, а пяти годах раскопок, и заявляет о своей твердой решимости «довести работу до конца и раскопать весь город целиком, как это сделали немцы в Приене и как археологи Мичигана это делают сейчас в Каранисе»⁴⁴. Установка Ростовцева на систематические и тотальные раскопки свидетельствует не только об обстановке соперничества ведущих американских и европейских научных центров, в которой разворачивалась кампания в Дура, но и о личной позиции Ростовцева-археолога. Этим планам не суждено было сбыться по независящим от ученого причинам, и тем не менее результаты проведенных работ не могут не впечатлять: с 1928 по 1937 г. были раскопаны крепостные стены и башни, цитадель, 3 дворца, 17 храмов, агора, несколько жилых и общественных зданий, что в общей сложности составляет четверть всей площади городища.

Кюмон более сдержан и осторожен в своих комментариях и оценках. Он всячески подчеркивает первенство Ростовцева (несмотря на возражения последнего) в руководстве раскопками и первоочередное право Йельского университета распоряжаться их результатами. Сопоставление объема написанного и опубликованного Кюмоном по итогам его исследований Дура в 1922–1923 гг. с тем, что было им сделано в ходе второй кампании, говорит о том, что его признание себя вторым – не просто слова вежливости, а следствие объективных причин, из-за которых он не мог заниматься проблемами Дура столь пристально, как раньше. Одна из таких причин – участие Кюмона в подготовке и организации бельгийских раскопок Апамеи, проходивших одновременно с раскопками в Дура⁴⁵. В то же время по его письмам нельзя не заметить, что он очень внимательно, если не ревностно, следил за результатами работ в Дура, поскольку чувствовал свою моральную ответственность за то, что Йель выбрал этот памятник объектом систематических раскопок⁴⁶.

К. Хопкинс в своей книге называет пятый сезон работ «триумфальным»⁴⁷. Действительно, самые громкие, превзошедшие все ожидания открытия – христианская часовня, синагога и митреум с их великолепными фресками – были сделаны в 1932–1934 гг. в ходе пятого, шестого и седьмого сезонов, которые можно считать кульминацией раскопок. Ожидание сенсационных открытий и находок, обусловленное не только традициями «старой школы» археологии, но и стремлением привлечь к памятнику внимание «богатых мира сего» – один из частых мотивов переписки Ростовцева и Кюмона. В письме от 11 марта 1933 г. Кюмон, получив известие об очередной находке папирусов, пишет с некоторой долей иронии, что обнаруженные в Дура папирусы и пергаменты скоро затмят знаменитые папирусы из Оксиринха и что их выход в

⁴³ Письмо от 7 декабря 1928 г.

⁴⁴ См. письмо от [1929 г.].

⁴⁵ Об участии Кюмона в подготовке экспедиции в Апамею см. *Aperçu préliminaire...* P. 362. Not. 50; P. 370–371. Not. 83.

⁴⁶ См., например, его письма от 16 сентября 1928 г. и 17 февраля 1932 г.

⁴⁷ *Hopkins*. Op. cit. P. 105.

свет потребует «публикацию дополнительного тома к Thesaurus linguae latinae»⁴⁸. Он заканчивает свои рассуждения так: «Готовлюсь к тому, что в следующем году в Ваши руки попадет 'Парфика' Арриана, потерянная грамотеем-офицером, и что Вы спуститесь в митреум с уцелевшими в нем статуями и литургическими книгами»⁴⁹. Если шутка Кюмона насчет сочинения Арриана не сбылась, то его второе предположение оказалось пророческим: в 1934 г. в Дура был открыт митреум, правда, без культовых статуй и литургических книг. По случаю этого сенсационного открытия Кюмон, получив срочное сообщение от Ростовцева⁵⁰, вновь прибыл в Дура⁵¹. Как ни странно, на этот кульминационный период, когда памятник стал входить в «моду»⁵² не только у специалистов, но и у просвещенной публики, включая кардинала Пачелли (будущего папу Пия XII), который присутствовал на докладе об открытии в Дура раннехристианской церкви, прочитанном Ростовцевым летом 1932 г. в Американской Академии в Риме⁵³, или Агату Кристи, посетившую раскопки города осенью 1934 г.⁵⁴, приходится мало писем нашего досье. Связан ли этот факт с тем, что письма просто не сохранились или тому были другие причины, мы не знаем. Заметим лишь, что сенсационные открытия в Дура совпали с разгаром «великой депрессии», финансовыми трудностями, изнурительной борьбой Ростовцева за деньги для экспедиции и тревогами за ее судьбу, а это не могло не влиять на характер его переписки с Кюмоном.

Действительно, тема кризиса и нехватка средств – лейтмотив писем Ростовцева в 1932–1934 гг. Вот лишь несколько цитат из этих писем. 27 января 1932 г.: «...в Америке настали трудные времена, и деньги нелегко находить»; 26 апреля того же года: «С великими трудностями мне наконец удалось получить кредит еще на один сезон в Дура, и я надеюсь – если Америка не рухнет – выбить средства на 1933–34 г. – сезон дополнительных исследований и раскопок. Думаю, нам хватит двух сезонов, чтобы завершить основную часть работ в Дура. Какие-то вопросы останутся для археологов, которые придут после нас, вооруженные более совершенными методами»; 25 июля 1934 г.: «Боюсь, что мне не удастся достать денег на раскопки Дура в 1935–36 г.». К. Хопкинс признается, что участники раскопок «в годы великой депрессии остро ощущали необходимость найти что-нибудь сенсационное», и вспоминает, как Ростовцев просил его «откопать синагогу», чтобы продлить жизнь экспедиции⁵⁵. Современные исследователи, критикуя Ростовцева и его коллег за «погоню» за эффектными находками, поспешность работ и выводов⁵⁶, не должны забывать, в какой обстановке эти работы проводились – финансовый кризис, отсутствие средств, экономия во всем, ощущение того, что каждый сезон мог оказаться последним, конечно же, влияли на общую стратегию раскопок.

⁴⁸ Разумеется, обнаруженные в ходе раскопок Дура греческие и латинские папирусы по своему количеству и богатству содержания уступают оксиринхской коллекции, однако их образцовое издание учениками Ростовцева (*Welles C.B., Fink R.O., Gilliam J.F. The Excavations at Dura-Europos. Final Report V. Pt I. The Parchments and Papyri. New Haven, 1959*) по-прежнему остается важнейшим собранием документов по истории эллинистическо-римского Востока. Долгое время хозяйственные папирусы из Дура были единственными документами такого рода, найденными вне Египта. В настоящее время известны папирусы, происходящие из ряда других мест Ближнего Востока; см. *Cotton H.M., Cockle W.E.H., Millar F.G.B. The Papyrology of the Near East: a Survey // JRS. 1995. LXXXV. P. 214–235.*

⁴⁹ Письмо от 11 марта 1933 г.

⁵⁰ В архиве Кюмона имеются две телеграммы от 10 и 18 февраля, посланные Кюмону из Сирии. В первой говорится: «Митреум с фресками обнаружен рядом с Вашей палаткой. Приезжайте. Хопкинс, Ростовцев». Вторая телеграмма сообщает: «Фрески, барельеф, важные надписи. Остаемся в Дура до 15 марта. Приезжайте. Дюмениль, Ростовцев, Хопкинс».

⁵¹ Подробнее об этом см. *Hopkins. Op. cit. P. 178–212.*

⁵² См. письмо Ростовцева от 16 июня 1934 г.

⁵³ См. письмо Ростовцева от 23 июля 1932 г.

⁵⁴ *Hopkins. Op. cit. P. 215.*

⁵⁵ *Ibid. P. 121–122.*

⁵⁶ См., например: *Leriche, Mahmoud, Mouton, Lecuyot. Op. cit. P. 10–11; Millar. The Roman Near East. P. 445–446; idem. Dura-Europos... P. 473–474.*

В дальнейшем сложности с финансированием экспедиции не исчезли, и в 1936 г. стало ясно, что Фонд Рокфеллера больше не выделит средств на продолжение раскопок и что весной 1937 г. их придется прекратить. В эти годы в переписке Ростовцева и Кюмона начинают доминировать новые темы: подготовка отчетов к публикации (прежде всего отчета по митреуму) и работа Ростовцева над его грандиозной «Социальной и экономической историей эллинистического мира». Все больше времени, сил и средств требовали отчеты, что выглядело естественным, учитывая возрастающий объем археологического материала. Параллельно нарастали трудности – личные, профессиональные, технические и финансовые – с его обработкой и изданием. В письме Кюмону от 26 марта 1936 г. Ростовцев подробно останавливается на этих трудностях: «Проблемы публикации становятся все более сложными. У меня есть деньги на печатание, но нет средств на оплату жалованья тем, кто редактирует тексты, готовит их к изданию, проверяет сноски, составляет индексы. Первоначально эту работу делали мои молодые коллеги, движимые интересом и энтузиазмом. Сегодня ситуация изменилась. Редактирование стало рутинной работой, отнимающей уйму времени. У меня должен быть специальный секретарь, но мне нечем ему платить... Основная же трудность в том, что главный редактор, т.е. я сам, плохо говорит и пишет по-английски и не может ни править стиль своих авторов, ни читать корректурные листы». Об аналогичных трудностях говорится в ряде других писем этого периода, весьма важных для понимания причин того, почему с 1934 г. предварительные отчеты стали выходить со значительным опозданием, а из первоначально планировавшейся серии итоговых отчетов по таким разделам, как история, архитектура и городская планировка, скульптура и живопись, малые находки, монеты, надписи, пергамены и папирусы, военное дело и вооружение, синагога, христианская церковь и митреум, не все вышли в свет.

Весной 1937 г. Ростовцев, возвращаясь из путешествия по Индии и Юго-Восточной Азии, захватил в Сирию, чтобы попрощаться с Дура. В июне 1937 г. он подвел итоги последнего сезона и всей десятилетней кампании в докладе, с которым выступил в Академии надписей и изящной словесности⁵⁷, а в июле того же года экспедиция была свернута. В письме от 29 декабря 1937 г. Кюмон писал: «Я сожалею, что раскопки Дура не могут быть продолжены. Рано или поздно необходимо довести до конца расчистку этих Помпей пустыни, где каждый сезон был столь богат на находки и открытия. Но я утешу себя мыслью о том, что приостановка полевых исследований ускорит публикацию большой работы, план которой Вы наметили». Под «большой работой» подразумевались окончательные отчеты экспедиции – Ростовцев и его коллеги приступили к их подготовке в конце 30-х годов, а первый том, посвященный глазурованной керамике, вышел в 1943 г.⁵⁸

В 30-е годы диалог Ростовцева и Кюмона не ограничивался лишь проблемами организации раскопок Дура и обработки их результатов, а также истории и культуры этого античного памятника, занимающего, впрочем, исключительное место в творчестве обоих ученых. Горизонт их научных интересов был значительно шире как в пространственном, так и в временном аспектах. Сама география мест, откуда в основном велась их переписка – треугольник Нью-Хейвен–Рим–Париж – предполагала широту обсуждаемых проблем и сюжетов. Йель и Нью-Хейвен были тихой гаванью, «пуританским местом», откуда Ростовцев регулярно уплывал в Старый Свет, а в перерывах между путешествиями и командировками вел преподавательскую работу. Рим был археологической столицей, где проводились многочисленные раскопки, дававшие интереснейшие открытия: Алтарь мира⁵⁹, мавзолей Августа, базилика у Пор-

⁵⁷ См. CRAI. 1937. P. 195–204.

⁵⁸ The Excavations at Dura-Europos. Final Report IV. Pt I. Fasc. 1: The Green Glazed Pottery / Ed. N. Toll. New Haven, 1943.

⁵⁹ 29 декабря 1937 г. Кюмон писал Ростовцеву из Рима: «Здесь продолжают извлекать из земли фрагменты Ага Расис. Я спускался в раскоп, где из мерзлого грунта выступает большой мраморный цоколь монументального алтаря, подпирающего внешнюю стену дворца Фиано. Кругом разбросаны куски мраморных скульптур».

та Маджоре, митреумы⁶⁰, сирийское святилище на Яникуле. В Рим стекались самые последние известия о раскопках на юге Италии – в Помпеях, Геркулануме. Капуе, Агригенте, Селинунте, Сиракузах, а также новости из Египта, Ливии и Киренаики⁶¹, где вели работы итальянские археологи.

Париж оставался интеллектуальной столицей, местом, откуда Кюмон и Ростовцев следили за ближневосточной археологией, прежде всего за открытиями во французских протекторатах – Сирии и Ливане⁶², а также в Египте, Ираке и Персии. Благодаря регулярной переписке с Р. Дюссо и А. Сейригом и участием в заседаниях Академии надписей и изящной словесности⁶³, Кюмон и Ростовцев были в курсе исследований и открытий в Угарите⁶⁴, Мари, Пальмире, Библосе, Баальбеке, Танисе. Сузах, в Месопотамии и на Среднем Востоке. часто обсуждали эти темы в своей переписке⁶⁵. В ходе этой дискуссии поднимались новые вопросы, например о соотношении Библии и древнейших сиро-палестинских источников. Специалист по истории религии, Кюмон очень внимательно следил за этой проблемой⁶⁶. Внимание обоих авторов привлекал и вопрос о связях эллинизма с восточными культурами, попавшими в ареал влияния греческого *koine*. Как свидетельствует переписка Ростовцева и Кюмона, их взгляды по этому вопросу существенно различались⁶⁷.

Переписка Ростовцева и Кюмона касается проблем не только древней истории, но и современности, с которой древность вела свой диалог: «мистическая Италия» Ростов-

⁶⁰ См. письмо Кюмона от 28 декабря [1939 г.]: «Как я Вам уже говорил, я думаю, что в Остин (где в раскопках задействовано 200 человек – ввиду готовящейся выставки 1942 г.) найдена скульптурная группа “Митра, убивающий быка” мастера Микона из Афин. Работа достойная, хотя и сильно отличается от традиционного типа. Бог одет в простую тунику и держит нож в поднятой правой руке, поэтому некоторые археологи сомневаются, что это – Митра. Но нет ничего удивительного в том, что греческий скульптор отошел от священного канона и создал оригинальное произведение».

⁶¹ 23 марта (ноября?) 1929 г. Кюмон написал Ростовцеву: «Я, кажется, уже сообщал Вам, что итальянцы только что нашли в Кирене завещание Птолемея VII Фискона. Согласно этому завещанию, Киренаика переходила к римлянам, которых царь просил оставить правителем области своего внебрачного сына Апиона»: в письме Кюмона от 7 февраля 1930 г. читаем: «Итальянцы продолжают находить в Кирене потрясающие надписи. Завещание Птолемея Фискона, по которому он передает свои владения римлянам, будет опубликовано, как меня уверяют, в апреле или мае в *Africa italiana*. В скором времени также выйдут надписи IV века до н.э., содержащая список налогов, которыми облагались все граждане Кирены, и текст эпохи правления Тиберия, повествующий о дележе военной добычи между полисом и римлянами. К сожалению, более точной информацией я не располагаю, так как Оливьеро очень ревностно следит за своими находками».

⁶² См. *Longrigg S. Syria and Lebanon under French Mandate. L., 1958.*

⁶³ См., например, письмо Кюмона от 25 июня 1939 г., в котором говорится, что «1939-й год был триумфальным для французской археологии: сенсационные открытия Монте в Танисе, Школы в Афинах – в Дельфах, Шефера – в Рас Шамра, Парро – на Евфрате. Сообщения об этих открытиях следуют одно за другим в Академии надписей...».

⁶⁴ Об истории дешифровки угаритского письма (Кюмон упоминает об этом открытии в своих письмах к Ростовцеву) см. недавнее серьезное исследование: *Day P. Dies Diem Docet: The Decipherment of Ugaritic // Journal of the American Oriental Society. 2001 (в печати).* Благодарим автора, познакомившего нас со своей работой еще в рукописном варианте.

⁶⁵ См. письмо Кюмона от 3 октября 1929 г., Ростовцева – от 28 ноября 1938 г. и др.

⁶⁶ См. письма Кюмона от 3 и 31 октября 1930 г.

⁶⁷ Так, 5 марта 1932 г. Кюмон писал Ростовцеву по поводу рукописи его статьи «Эллинизм в Месопотамии» (*Rostovtzeff M.I. L'hellénisme en Mésopotamie // Scientia. 1933. 53. P. 1–15*): «Ваша статья о восточном эллинизме живо заинтересовала меня. В ней я вновь обнаружил присущие Вам способность проникать в суть вещей и дар обобщений. В целом я все же склоняюсь к тому, чтобы отводить эллинизму несколько большую роль, чем это делаете Вы, мэтр. Вы слишком урезаете эту роль, обедняете ее, делаете весьма скромной. Мне кажется, что в селевкидских колониях учреждения и законы оставались греческими вплоть до Сасанидов. В Дура закон о наследстве был македонским или эллинским, но не семитским, как, вероятно, и городская конституция в целом. То же самое мы наблюдаем в Сузах. Открытия прошлого года показали, что военные колонисты и *σπατοφύλακες* селевкидского времени оставались в этом городе и при парфянах».

цева и Кюмона⁶⁸ и Италия Муссолини, почитавшего Октавиана Августа⁶⁹, неуверенность в завтрашнем дне людей 30-х годов и культ Тьюхэ эллинистических греков или апокалиптические идеи «древних магов», закат античного мира и переживания обоих авторов по поводу разворачивавшейся на их глазах военной катастрофы, *humanitas* римских стойков и духовный кризис нашего времени, языческие религии древности и современное язычество, идет ли речь об индийских храмах, увиденных Ростовцевым в 1937 г., или о Гитлере, этом, по словам Кюмона, «махди из Берхтесгатена», променявшем Христа на своего кровожадного бога⁷⁰. Этот диалог звучит в строках не только писем, но и произведений обоих историков. Говоря о своей «Социальной и экономической истории эллинистического мира», которая создавалась мучительно тяжело и, по признанию самого автора, не была бы написана без моральной поддержки Кюмона⁷¹ и которая была сдана в печать в 1939 г., когда уже началась война, Ростовцев писал своему другу: «Пожалуй, ни у кого не будет ни времени, ни желания читать два толстых тома по 'древней истории'. Хотя в них нашли бы и нечто актуальное – еще одну иллюстрацию на тему глупости рода человеческого (*homo sapiens!*), умеющего создавать, но превосходящего себя в искусстве разрушать то, что им создано»⁷². В пронзительном по трагизму письме от 14 января 1940 г. Кюмон, только что потерявший брата, писал Ростовцеву: «Чтобы отвлечься от своих печальных мыслей и наваждений войны, я следую совету Кандида и стараюсь вырастить свой сад. Этот сад, мой κήπος, растет среди гробниц». Стремясь «насколько возможно поддержать дух науки среди грохота танков и нарастающей разрухи»⁷³, Кюмон продолжал свой кропотливый труд «ученого садовника» – работал над книгой о «римском погребальном символизме» (в предисловии к этой работе, вышедшей в 1942 г., Кюмон писал: «Не сомневаюсь, что ученые обязаны по мере своих сил и возможностей не дать интеллектуальной жизни угаснуть»⁷⁴) и над своим итоговым трудом «*Lux Perpetua*» (вышел посмертно в 1949 г.), а по пятницам посещал заседания Академии надписей, которая продолжала функционировать в годы войны и оккупации.

Не молчали музы и в Йеле⁷⁵, где Ростовцев и те из его коллег и учеников, кто не был призван на военную службу, трудились над девятым томом предварительного отчета экспедиции и изучали большой папирус «*Asta diurna*» XX Пальмирской когорты, располагавшейся в римской Дуре⁷⁶. Уже во время войны – Ростовцев в Америке, а Кюмон во Франции – рассылали своим друзьям и собратьям по цеху оттиски глав из VII–VIII томов предварительного отчета, посвященных в основном раскопкам митреума⁷⁷.

⁶⁸ Ср. *Rostovtzeff M.I. Mystic Italy*. N.Y., 1927 (в предисловии автор благодарит Кюмона, «самого крупного из ныне живущих специалистов по истории древней религии», взявшего на себя труд прочитать рукописные главы книги – р. XIV–XV). Об этой работе см. *Michelotto P.G. Osservazioni su 'Mystic Italy' di M.I. Rostovtzeff // Actes du Colloque M.I. Rostovtzeff*. Paris, 2000 (в печати).

⁶⁹ См. письмо Кюмона от 9 ноября 1937 г.

⁷⁰ См. открытки и письма Кюмона от 21 декабря 1931 г., конца 1931 г., 11 ноября, 16 и 28 декабря 1938 г., 24 марта, 25 июня, 24 июля, 26 августа и 18 октября 1939 г., 16 мая 1940 г., и письма Ростовцева от 16 сентября 1938 г., 12 июня и 8 сентября 1939 г.

⁷¹ Этот огромный труд, вышедший в 1941 г., Ростовцев посвятил своей жене и Кюмону. «Без их одобрения и теплой поддержки в смутные периоды тревог и сомнений. – сказано в авторском предисловии. – эта книга никогда не была бы написана» (SEHNW. P. XV; см. также письмо Ростовцева Кюмону от 1 октября 1940 г.).

⁷² См. письмо от 15 декабря 1939 г.

⁷³ Письмо Кюмона от 16 мая 1940 г.

⁷⁴ *Cumont F. Recherches sur le symbolisme funéraire des Romains*. P., 1942. P. 1. См. также его письмо от 18 октября 1939 г.

⁷⁵ Сразу после начала войны, 8 сентября 1939 г., Ростовцев написал Кюмону письмо, в котором, в частности, есть такая строка: «*Inter arma silent Musae*, но поговорим о менее печальных вещах».

⁷⁶ См. письмо Ростовцева от 15 декабря 1939 г.

⁷⁷ См. письмо Кюмона от 24 февраля 1940 г. и ответное письмо Ростовцева от 2 апреля того же года.

Возвращаясь к главной теме переписки, хотелось бы вновь вспомнить о книге Ростовцева «Dura-Europos and Its Art», о котором высоко отзывался Кюмон и которую можно рассматривать как достойное завершение американско-французских раскопок. В письме от 11 ноября 1938 г. бельгийский ученый писал: «Хотя я читал почти все, что Вы и Ваши коллеги написали о Дура, в этой книге я открыл для себя много новых фактов и идей; следовать за ходом Ваших мыслей – одно удовольствие. Что касается иллюстраций, то некоторые реконструкции Ваших архитекторов стали для меня откровением. Но главное достоинство Вашей книги – ясное и точное обобщение результатов десяти сезонов раскопок. Я убежден, что книга произведет впечатление на читателей благодаря обилию содержащейся в ней информации. Хотелось бы, чтобы кто-то из них, под впечатлением от столь плодотворных раскопок, дал Вам деньги, необходимые для продолжения исследования этих Помпей пустыни». В начале 40-х годов Ростовцев, судя по его переписке с Ф. Кюмоном, А. Сейригом, Р. Дюссо, Ч.Б. Уэллсом и Ф. Брауном, все еще надеялся на продолжение раскопок своих «сирийских Помпей», хотя было ясно, что эти надежды иллюзорны. «Где взять денег? – вопрошал он в одном из своих последних писем к Кюмону. – Я предпринимаю всяческие попытки, но безрезультатно. Многие считают, что Америка богатеет от войны. Возможно, это и правда, но мы этого не ощущаем»⁷⁸. Отсутствие денег и война помешали сбыться надеждам Кюмона и Ростовцева, однако их дело не осталось без продолжения.

Аммиан Марцеллин, участник последнего похода Юлиана Отступника, в действительности так описывал то происшествие, которое случилось в окрестностях «запустевшего города Дура». Император «разглядел издали отряд солдат и остановился на месте, недоумевая, что они несут. И вот они поднесли ему льва огромных размеров, который напал на их строй и был пронзен множеством стрел. Ободренный этими предзнаменованиями, Юлиан преисполнился гордыми надеждами на будущее, но голос судьбы всегда неверен, и исход дела оказался совсем иной»⁷⁹. Как выяснилось позже, встреча со львом, убитым в окрестностях Дура, была дурным предзнаменованием для императора. Этим отрывком из «Res gestae» Аммиана Марцеллина, с которого мы начали нашу статью, мы бы хотели ее и закончить, и делаем это не столько из любви к симметрии, сколько из желания показать, что между текстами прошлого и современностью существует незримая связь. Встреча Кюмона и Ростовцева с Дура-Европос, несмотря на все ее драматические коллизии, в конечном счете оказалась счастливой не только для них, но и для нас, поскольку дала нам возможность читать, перечитывать и дописывать «одну из самых замечательных и результативных глав в истории археологии»⁸⁰.

Г.М. Бонгард-Левин, К. Бонне, Ю.Н. Литвиненко, А. Марконе

SCHOLARLY CORRESPONDENCE OF M.I. ROSTOWTZEFF
AND F. CUMONT

G.M. Bongard-Levin, C. Bonnet, Yu.N. Litvinenko, A. Marcone

The article presents the correspondence between two outstanding historians of the 1st half of the 20th c. The dossier includes 160 letters from Duke Rostowtzeff collection and Belgian Academy in Rome, where the main part of Cumont collection is kept. Chronologically, the letters range from 1897 to 1941, covering nearly half century. They deal with many scholarly, political and cultural problems of that epoch. Excavations at Dura Europos in 1928–1937 are paid special attention here. The letters elucidate some points of the history of the excavations, the reasons that caused its closure in 1937 etc.

⁷⁸ См. письмо от 20 апреля 1940 г.

⁷⁹ Res Gest. 23.5.8. Пер. Ю. Кулаковского.

⁸⁰ Millar. Dura-Europos... P. 473.